

ПЛАГИАТ И ПУШКИН

Человечество настолько исписалось, что без частичного совпадения букв, слов и целых словосочетаний написать что-то просто невозможно. При желании можно вообразить совпадение целых абзацев. Пройдут столетия, и уровень совпадения может превысить даже воображаемые пределы.

Итак, представьте редакцию. На телефоне сидит пожилая женщина и почти дружественно отвечает на телефонные (айфонные, смартфонные и иные) звонки:

— Алло. Совпадение в 20% позволим, а в 30% — предел!

— Какие пять килограмм? Это вам не овощная база. Ах, это вес заимствований. Это вы к чему? Вы говорите нам конкретно, в процентах. А сколько вся рукопись весит? Что значит — нет весов. Носить надо. Взвесите — приходите.

— А как вы понимаете анализ? У нас не поликлиника. Мы пока анализы не делаем. Мы просто считаем.

Звонок в дверь, охранник пропускает мужчину с мечтательно-поэтическим взглядом.

— Я принес свое произведение.

— У меня скоро обед, — реагирует телефонная дама, смотрит на часы и полубрезгливым жестом берет в руки рукопись. Начинает читать про себя. По лицу видно, что вначале ей все даже нравится. Через несколько минут она прекращает чтение и глубоко задумывается. Потом, как будто вспомнив про посетителя, поднимает на него мрачный, не предвещающий ничего хорошего взгляд.

— Простите, что это «не мысля гордый свет забавить», а «мой дядя некий самых честных правил», откуда это?

— Из головы, конечно, долго пришлось возиться с рифмой, раскрытие образов заняло какое-то время. Но поверьте — десятки лет потрачены совсем не впустую, — посетитель протер глаза белым платком не первой свежести. — И представьте, всех родственников пришлось описывать, чтобы расширить круг человеческих характеров, проникнуть в их тайные помыслы и отношение к окружающему миру.

Телефонная дама продолжает внимательно изучать мужчину, то ли он ей очень нравится, то ли она ищет слабое место, куда его нужно ударить.

— Милейший, но ведь это «Евгений Онегин», роман Пушкина в стихах.

Посетитель буквально взревел:

— Какой Евгений — это поэма «Васька Мясников». Читайте внимательнее «Когда же юности мятежной пришла Василию пора». Я вашего Пушкина не знаю, мы не знакомы.

Дама смотрит на него теперь уже с явной надеждой.

— Надеюсь, скоро познакомитесь. А сейчас это произведение — полный плагиат.

— Где полный, вы только почитайте. Другие лица, чувства, имена.

— Несомненно, если отнести слова «цветы, любовь, деревня ...» к обо-значенному вами выступлению председателя еще не до конца развалив-шегося колхоза, то мы имеем дело с новым произведением.

— А вы послушайте, как у меня звучит новизна «деревня, где скучал Василий». Ведь если говорить по правде, то взятые Пушкиным слова совсем не его, а наши общие. Почему другие не могут их использовать. И почитайте эти прекрасные слова и словосочетания, заметьте не Пуш-кина, а наши, которые я и использую в своем произведении «Письмо Светланы предо мною; его я сильно берегу, читаю с тайною надеждой и начитаться не могу». А что вы скажете насчет «В деревне нашей даже Васье скучно». Проблема. Вы думаете, просто так люди бегут в город. Вы обвиняете меня в том, что я какие-то слова, заметьте только отдель-ные, брал у Пушкина. А Пушкин, сам-то, не брал что ли. Кто его провер-ял?

Дама задумалась, а затем набрала телефон известного критика.

— Василий Ренатович, а вы не в курсе, стихи Пушкина-то кто-то про-верял на плагиат?

Что сказал вышеупомянутый Василий Ренатович до сих пор неизвест-но. Его оперативно увезли в больницу. Видимо обиделся за недоверие к современным литераторам. А анализ представленного произведения показал реальные значительные расхождения Пушкина с представлен-ной поэмой. Наиболее часто в акте результатов проходила следующая ссылка-пример: у Пушкина — «Зачем вы посетили нас», у современного автора — «Нам провели сегодня газ».

Заимствование слов поразительным образом свидетельствовало о са-мобытности талантливого автора нашего времени. Компьютерный под-счет подтвердил норму допустимых совпадений.

СЕРЕЖА

Веревка натянулась и больно пережала ногу. Сережа начал дергать ею, пытаясь освободиться от узла и непроизвольно ударяя по окружа-ющим его предметам. Один из его ударов пришелся по ножке шатаю-щегося стола и вызвал опрокидывание стеклянного графина. Из него вывалились простые полевые цветы, и вытекла вода. Она немедленно, настоящим ручьем устремилась к краю стола, на пути движения про-питывая истертую до дыр бархатную скатерть. А тяжелые капли стали падать прямо на пол, разбиваясь внизу на мелкие брызги. Некоторые из них попадали на лицо мальчика, и он нетерпеливо встряхивал своей плохо стриженной головой. А потом ему захотелось крутиться по полу. Туда-сюда. И совершенно непонятно, куда пропал этот узел, а вместе с ним и ограничивающая движения мальчика веревка?

Маленький разум совершенно не понимал, почему он остается один на целый день в такой огромной для него квартире. Мама уходила, а папа... Он не помнил, какой из себя папа. А мама не любила говорить это слово. Сережа еще никак не реагировал, видя, как дети на улице бе-гут навстречу своим родителям, но уже стал маленьким сердцем сполна ощущать непроходящую мамину грусть. Зато ему нравилось быть рядом с нею. Она катала его в коляске по улице или несла на руках, а он чув-ствовал ее руки и близкое и родное тепло. И еще ему всегда нравилось, когда вечером страшно уставшая мама, улыбаясь ему немного страдаль-ческой улыбкой, гладит его по голове и терпеливо сидит на жестком та-бурете, ожидая, пока он уснет.

Ну почему она уходит? А как мама может объяснить малышу, что она должна обеспечить их скудную жизнь? Ведь ее работа позволяла им выжить. Ну не брать же ребенка с собою. И он оставался совсем один. Наедине с разными звуками и кучей непонятных предметов. Вначале мама оставляла его в детской кроватке. Но один раз Сережа ухитрился

перевалиться через ее стенку, вдобавок старые прутья хрустнули, и он упал вместе с деревянными обломками на пол. Просто какое-то чудо, что он совсем не пострадал. Только появились синячки на его теле. И после этого, уходя на работу, мама стала стелить ему постель на полу, а потом и тихонько, чтобы мальчик не проснулся, привязывать его к ножке стола. Раньше, проснувшись утром, он громко ревел, раздражая своим криком соседей. Они неоднократно жаловались в различные органы, но матери всегда удавалось отстоять свое право на ребенка. И все благодаря тому, что Сережину маму никто и никогда не видел пьяной, бьющей ребенка или ругающейся на людей. А ее маленький сынишка продолжал каждое утро ползать по веревке вокруг стола. Пока не приходила мама или уставший Сережа не засыпал. Иногда прямо на жестком полу. А сейчас маленький разум не понимал, что он делает и куда ползет. Просто работала естественная тяга человека к познанию, и любопытство толкало малыша вперед. Туда, где располагалось неведомое, притягательное и требующее изучения лично им. По дороге попадалось множество интересных вещей: пустая коробка из-под обуви, заполненная катушками с нитками; женский гребень для волос и многое другое, что заставляло снижать темп движения, а иногда и широко раскрывать от удивления глаза.

Внезапно, отвлекая внимание и заставляя его остановиться, на стене с заданной частотой громко застучали старые ходики. Сережа давно приучился к их звуку. Иногда они начинали стучать особенно громко, и тогда малыш сильно пугался. Но он давно отвык плакать. Просто потому, что его никто не слышал в этой бесконечной комнате, и, кажется, он сам чувствовал, что никто и никогда не подойдет к нему вытереть плачущее лицо и убрать скопившиеся под носом сопли. Чуть позже кто-то застучал в дверь, настойчиво, сильно и долго. Сережа не представлял себе, что кроется за этим звуком, но ему совсем не было страшно. Просто он его внимательно слушал. Так же как и начался, стук внезапно прекратился. Сережа почувствовал, как в комнату быстро и с каким-то напором вошла тишина. Она уверенно заняла весь объем маленькой квартиры.

Сережа покрутил головой и пополз дальше. Когда слышался посторонний шорох, идущий то ли с улицы, то ли от соседей, малыш переставал ползти и начинал приподниматься на ручках, медленно поворачивая голову в разные стороны. На самом краю комнаты находилось явное возвышение — порог. Фигурные выступы над ним обозначали наличие закрытой балконной двери. Подползший к порогу ребенок сделал еще одно движение, оказавшееся для него неудачным — он ударился головой и сильно заплакал. От плача его отвлек скрип балконной двери. Картина мира начала меняться прямо на Сережиных глазах. От совсем небольшого удара головой прикрытая ранее дверь начала раскрываться, снимая преграды для доступа в комнату свежего уличного воздуха. Посторонние звуки стали громче и малыш заметно оживился. Он перевалился на бок и забросил одну из рученок на выступ порога. Сил было маловато, но любопытство тянуло вперед. Бесконечно манил мир, скрытый полуоткрытой дверью. Без всякого рева, натываясь то лбом, то губами, то носом на деревянные выступы, малыш совершил свой переход через Альпы — его голова уперлась в холодный бетон балконной плиты.

По балкону гуляла пробивающиеся сквозь тучи солнечные лучи и металась нечеткие разлапистые тени, повторяющие очертания колышающихся от порывов ветра веток и сучьев растущих во дворе деревьев. Сережа не помнил, а скорее всего и не знал, бывал ли он здесь, но природа требовала исследовать это нагромождение старого кухонного стола, ведер и ржавых стальных прутьев, частоколом прикрывающих края балкона. Они завершались внизу широкой металлической полосой, под которой открывался широкий проход между плитой и металлическими конструкциями. Это значило только одно — туда и надо ползти. Едва касаясь железа, голова свободно прошла в проход и сразу же свесилась вниз. Пространство под балконом показалось Сереже громадной про-

пастью, и он инстинктивно дернулся назад. Голова соприкоснулась с пограничной полосой. Мгновенная боль снова толкнула вперед. Ручки Сережи уже не передвигались, они просто дергались в разные стороны, больно ударяясь о неровную бетонную поверхность, а голова медленно и коварно тянула в увиденную им пропасть маленькое и неуправляемое тело. Постепенно общая масса головы и свесившихся частей туловища выросла настолько, что безостановочное движение превратилось в быстрое сползание, переходящее в падение. И все почти без звука.

Вам, наверное, страшно? Впрочем, кусты смягчили удар. По траве покатился маленький клубок, оглашая окрестности диким захлебывающимся ревом. К Сереже сбежались: женщины, вскочившие со скамеек, и продавщицы из ближайших ларьков. И даже водители стали останавливать свои машины. Не ожидая, пока найдется телефонный аппарат, кто-то из мальчишек побежал к поликлинике, расположенной в сотнях метров. Достаточно быстро приехала машина скорой помощи.

Доктор в годах аккуратно принял от одной из женщин ревущего малыша и передал его медсестре.

— Подготовьте.

Медсестра потащила Сережу в машину готовить его к осмотру. То ли от шока, то ли от осознания, что это необходимо, он резко замолчал и пока врач его осматривал, лежал тихо, только крутил в разные стороны головой. Едва медсестра начала возвращать на место его одежду, как рев разразился с новой силой. Даже некоторые бывалые старушки и то закачали головами.

На мотоцикле с коляской сержант милиции привез Сережину маму, которая кинулась к машине скорой помощи, но упала по дороге и теперь медленно шла, прихрамывая и размазывая кровь на разбитой коленке. Едва Сережа уткнулся в знакомую материнскую грудь, как рев перешел в обиженные всхлипывания.

— Ну и мать, — долго возмущались окружающие, — забрать у нее ребенка.

— Стерва, — согласно поддакивали только что подошедшие мужики.

Но Сережина мама не слышала криков, их заглушало сопение уставшего за день ребенка и безумно громкий и близкий звук его маленького и верящего только ей сердечка.